

Десять лет до капитуляции

Олеся Сохненко

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олеся Сохненко

Десять лет до капитуляции

«Автор»

2026

Сохненко О.

Десять лет до капитуляции / О. Сохненко — «Автор», 2026

Десять лет Крис и Мелиса вели идеальную, отточенную до блеска войну. Начавшись со школьной скамьи и соперничества за оценки, их вражда переросла в университетские битвы за популярность, а во взрослой жизни превратилась в сеансы изысканного сарказма. Педантичная «железная леди» Мелиса и хаотичный, свободный Крис всегда точно знали, на какие кнопки нажимать, чтобы уколоть друг друга побольнее. Но за этой непрístupной стеной взаимных претензий скрывалась пугающая деталь: никто в мире не знал их лучше, чем они сами. На вечеринке в честь тридцатилетия общего друга многолетнее напряжение достигает пика. Хрупкий щит из колкостей дает трещину, и заклятым врагам приходится признать очевидное: все эти годы их вела друг к другу вовсе не ненависть. Смогут ли они перешагнуть через гордость, когда грань между «не выношу тебя» и «не могу без тебя» сотрется окончательно?

© Сохненко О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Теория большого взрыва.	6
Глава 2. Искусство партизанской войны	7
Глава 3. Бостонский капкан	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Олеся Сохненко

Десять лет до капитуляции

Пролог

Говорят, в момент большого взрыва вселенная была размером с горошину. Вся материя, все будущие звезды, галактики, океаны и человеческие разочарования были спрессованы в одну бесконечно плотную, невыносимо горячую точку.

Мой личный большой взрыв произошел в первый вторник сентября две тысячи девятого года на третьем этаже средней школы «Вест-Лейк Хай» в пригороде Остина, штат Техас. Моя вселенная тогда пахла дешевым линолеумом, хлоркой из бассейна и липким неоновым соком из автомата за пятьдесят центов. И она расширялась с пугающей скоростью.

Я верю в физику. Мне всегда казалось, что если ты понимаешь законы, по которым движутся тела, падают яблоки и сталкиваются тектонические плиты, тебя невозможно застать врасплох. Физика предсказуема. Если на объект действует сила, он дает сдачи с точно таким же вектором и амплитудой. Это называется третьим законом Ньютона.

Чего Ньютон не учел, так это тринадцатилетних подростков с уязвленным эго и слишком высоким уровнем IQ.

Когда Кристиан Миллер с грохотом уничтожил три месяца моей жизни, превратив макет Солнечной системы в кучу прессованного картона и пенопластовой крошки, я не увидела в этом случайность. Мой тринадцатилетний мозг, воспитанный матерью-банкиром и отцом-инженером, мгновенно классифицировал его как аномалию. Угрозу. Объект, который необходимо изолировать, изучить и подавить, чтобы восстановить баланс сил.

— Ты об этом пожалеешь, Миллер, — сказала я тогда, вытирая рукавом блузки липкий синий сок со своих пальцев.

Он в ответ лишь ухмыльнулся — той самой ленивой, небрежной улыбкой парня, чей отец спонсировал ремонт школьного стадиона. Ухмылкой человека, который твердо знал: в этом городе ему простят абсолютно все.

— Удачи, принцесса, — бросил он, подбирая свой лонгборд.

Мы не знали, что в этот самый момент, среди руин моего школьного проекта и брызг черничной газировки на его новеньких «джорданах», мы запустили изматывающий, грандиозный механизм. Десятилетнюю цепную реакцию. Мы стали друг для друга солнцем и землей, гравитацией и сопротивлением воздуха. Каждый наш день начинался с одной единственной цели — найти врага в толпе, просчитать траекторию его движения и нанести удар. Мы выросли на этой ненависти. Она стала нашей зоной комфорта, нашей личной системой координат. Мы соревновались за оценки, за популярность, за лучшие места на парковке, за право дышать воздухом Техаса, а потом — Массачусетса. Между нами летели такие искры, что вокруг нас буквально трещал воздух, но мы оба были слишком слепы, слишком горды и слишком упрямы, чтобы увидеть очевидное.

Мы были абсолютно, железобетонно уверены, что презираем друг друга. И эта уверенность защищала нас лучше любого бронежилета. Пока мы не оказались на заднем дворе в Хэмптонсе, и броня не дала течь.

Глава 1. Теория большого взрыва.

Мне было тринадцать, и я не просто шла по коридору — я несла в руках хрупкую конструкцию своего безупречного будущего. Это был макет Солнечной системы, над которым я корпела все летние каникулы. Пока мои ровесники тусовались на искусственных пляжах озера Трэвис, я вырисовывала акрилом кольца Сатурна и высчитывала пропорции орбит из папьемаше. Мне нужен был идеальный балл у мисс Гаррисон, которая возглавляла не только кафедру естественных наук, но и приемную комиссию для одаренных детей. В семье Вэнс, где моя мать руководила филиалом «Chase Bank», а отец каждое воскресенье проверял хронометраж моих тренировок по теннису, оценка «А» была единственным билетом на право ужинать за общим столом. Ошибка для меня приравнивалась к позору.

В этот самый момент в левое крыло коридора влетел Кристиан Миллер. На скейте.

Разумеется, это нарушало примерно десяток школьных правил, но Крис — обладатель растрепанных каштановых волос, вечных синяков на коленях и статуса сына главного застройщика округа — плевал на устав. Он был ходячим стихийным бедствием. Заметив меня в дверях кабинета химии, он попытался эффектно затормозить, сделав резкий разворот, но колесо его лонгборда намертво заклинило на стыке старого линолеума.

Секунда — и мой идеальный мир разорвало в клочья.

Раздался грохот, мой оглушительный крик и хруст ломающегося пенопласта. Мой макет буквально рассыпался на атомы. Многострадальный Сатурн с треском улетел под шкаф с химреактивами, Марс покатился под ноги столпившихся черлидеров, а Земля превратилась в лепешку под колесом его доски.

— Смотри, куда прешь, придурок! — выкрикнула я. Голос предательски дрогнул от подступающих слез и дикой, удушающей ярости. Я смотрела на руины своего лета. — Ты хоть понимаешь, сколько я это делала?!

— А ты не стой на пути со своим мусором, Вэнс, — огрызнулся он.

Я успела заметить, как он поморщился, потирая ушибленное плечо, и в его темно-карих глазах на долю секунды мелькнула глупая мальчишеская беспомощность. Но вокруг уже собиралась толпа. Парни из футбольной команды начали улюлюкать. Показать слабость для Кристиана Миллера означало умереть, поэтому он быстро нацепил свою самую наглую, отвратительную ухмылку и демонстративно пнул ногой укатившийся под его кроссовок Юпитер.

В этот момент я поняла, что такое настоящая ненависть. Она была обжигающе холодной. В моей правой руке был зажат пластиковый стакан с ярко-синей черничной газировкой из автомата. Я не думала ни секунды. Я просто вылила липкую, ледяную жидкость прямо на его новые, белоснежные Air Jordan, которые его отец только вчера привез ему из Далласа.

Коридор замер. Крис опустил взгляд на свои испорченные кроссовки, и его челюсть сжалась так, что заходили желваки. — Ты об этом пожалеешь, Вэнс, — процедил он, сделав шаг ко мне.

— Удачи, Миллер, — бросила я, развернулась и пошла прочь по обломкам планет.

Я не знала тогда, что этот синий сок и растоптанный пластик станут объявлением войны, которая затянется на десять лет. Войны, в которой искры между нами будут лететь с такой силой, что все вокруг будут считать нас заклятыми врагами. И самое забавное — мы сами верили в это больше всех.

Глава 2. Искусство партизанской войны

К пятнадцати годам наша неприязнь оформилась в отточенную, изощренную стратегию. Мы больше не бросались едой в столовой и не обзывались в коридорах — это было слишком примитивно для «Вест-Лейк Хай». Мы научились бить по самому дорогому: по репутации, оценкам и социальному статусу.

Крис стал лицом школьной баскетбольной команды, а я возглавила дискуссионный клуб и вошла в ученический совет. Мы разделили школу на две сферы влияния, но наши орбиты пересекались каждый божий день, и каждое это пересечение напоминало проверку систем ПВО.

— Эй, Вэнс, — Крис лениво прислонился к моему шкафчику, когда я пыталась достать тяжелый учебник по продвинутой истории. На нем была эта дурацкая сине-белая куртка лет-термана, от которой сохла половина девочек школы. — Слышал, твоя петиция о введении обязательной школьной формы провалилась. Какая жалость. Я уже присмотрел себе серый галстук в тон твоей кислой мине.

Я с грохотом захлопнула дверцу шкафчика, едва не прищемив его длинные пальцы. Крис даже не шелохнулся. Он продолжал крутить на указательном пальце ключи от своего новенького «Джипа» — еще одного подарка его отца за какую-то там победу в матче.

— Моя петиция была о стандартизации дресс-кода для официальных мероприятий, Миллер, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. Я специально обула туфли на небольшом каблучке, чтобы не чувствовать себя карликом рядом с его ростом под два метра. — Но я понимаю, почему для тебя это слишком сложно. Текст длиннее трех предложений вызывает у тебя мигрень. Как твои успехи по литературе? Мистер Дэвис сказал, что если ты завалишь эссе по «Великому Гэтсби», то твой следующий матч ты проведешь на скамейке запасных в качестве чирлидера.

Его улыбка на мгновение померкла. Я попала в цель. Крис ненавидел литературу, а Гэтсби казался ему «занудным типом с кучей лишних денег».

— Я справлюсь с Гэтсби быстрее, чем ты найдешь себе пару на осенний бал, железная леди, — бросил он, отталкиваясь от шкафчика. — По крайней мере, у Фитцджеральда была хоть какая-то страсть. Тебе это слово знакомо только из словаря Мерриам-Вебстера.

— Пошел ты, Миллер. — После тебя, Вэнс.

Мы расходились, и я чувствовала, как у меня горят щеки. Это была чистая, незамутненная злость. Он бесил меня до дрожи в суставах. Его манера растягивать слова, его уверенность в том, что мир вращается вокруг его баскетбольного мяча, его привычка называть меня «железной леди» — все это заставляло меня работать вдвое усерднее. Я должна была сдать SAT на максимальный балл просто для того, чтобы увидеть его лицо, когда на доске почета вывешат списки.

Но у нашей войны, при всей ее жестокости, было одно странное правило: это была наша война. Закрытая экосистема.

В конце десятого класса, перед Днем Благодарения, школа устроила традиционный благотворительный обед. Я сидела за длинным столом в столовой, окруженная ребятами из дискуссионного клуба, и судорожно повторяла тезисы для предстоящих дебатов. В этот момент рядом со мной приземлился Патрик Коллинз — заносчивый тайт-энд из футбольной команды, который считал себя главным альфа-самцом школы.

— Эй, Вэнс, — Патрик бесцеремонно придвинул свой поднос к моему ноутбуку. — Слышал, ты опять строчишь жалобу директору на шум в раздевалках? Тебе не кажется, что тебе нужно немного... расслабиться? Твоя задница выглядит слишком напряженной в этих юбках-карандашах. Может, сходим в кино? Обещаю, я помогу тебе забыть про твои графики.

Парни за столом противно заржали. Я почувствовала, как к лицу приливает жар, а пальцы на клавиатуре каменеют. Я собиралась выдать ему ледяную тираду, которая стерла бы его в порошок, но не успела даже открыть рот.

Сбоку раздался глухой стук.

Патрик вскрикнул. С его коротко стриженной головы на плечи медленно сползала липкая масса картофельного пюре, обильно политая коричневой мясной подливкой.

Над ним стоял Кристиан Миллер. В руке он держал пустую пластиковую тарелку. Его лицо было абсолютно спокойным, даже ленивым, но в глазах застыл холод, какого я у него никогда не видела.

— Какого черта, Миллер?! — взревел Патрик, вскакивая и пытаясь стряхнуть жижу со своего брендового блейзера.

— Ой, прости, Коллинз, — Крис небрежно бросил грязную тарелку на его поднос. — Рука соскользнула. И вообще, у тебя слишком много лишних звуков изо рта. Иди умойся, от тебя пахнет дешевым одеколоном и тупостью.

— Ты рехнулся? Ты из-за этой зануды...

Крис сделал один короткий шаг вперед, сокращая дистанцию. Он был выше Патрика и шире в плечах.

— На этой территории шутить над Вэнс могу только я, — тихо, но так, что услышал весь ряд столов, произнес Крис. — Больше никто. Понял меня? А теперь проваливай, пока я не добавил к пюре черничный пирог.

Патрик, тяжело дыша и зыря на нас обозленным взглядом, схватил свои вещи и быстрым шагом направился к выходу из столовой под хихиканье младшеклассников.

Я сидела, не в силах пошевелиться. Мой ноутбук чудом не пострадал. Крис бросил на меня быстрый, оценивающий взгляд — словно проверял, цела ли я, — а затем его лицо снова приняло привычное высокомерное выражение.

— Твои защитники из дискуссионного клуба чуть не обделались, Вэнс, — лениво бросил он, кивая на моих побледневших друзей. — В следующий раз выбирай компанию получше. Не порть мне аппетит.

— Я не просила тебя вмешиваться, Миллер, — ответила я, хотя мое сердце колотилось где-то в районе горла. — Я бы сама справилась.

— Ага, зачитала бы ему устав школы до смерти, — он усмехнулся, развернулся и пошел обратно к своему столу, где его ждали парни из баскетбольной сборной.

Я смотрела на его широкую спину и чувствовала странное, удушливое смятение. Я ненавидела его. Наглого, самоуверенного, невыносимого Кристиана Миллера. Но почему-то именно этот идиот был единственным человеком в Вест-Лейк Хай, который чувствовал, где проходит моя черта.

Через неделю, когда перед рождественскими каникулами вывесили промежуточные оценки, я увидела, что Крис все-таки завалил тест по литературе и его участие в январских финалах штата оказалось под угрозой. Он ходил чернее тучи, огрызался на тренера и не появлялся на парковке после уроков.

Вечером, когда школа уже опустела, я подошла к его шкафчику 114. Мои пальцы слегка подрагивали, когда я просовывала между металлических ламелей дверцы плотную зеленую тетрадь. В ней были мои личные, идеально структурированные конспекты по всем произведениям Фитцджеральда, Хемингуэя и Фолкнера за этот семестр, с разобранными темами эссе и ключевыми цитатами.

На первой странице я размашистой, злой рукой написала: «Если тебя отстранят от финала лиги, мне станет смертельно скучно в этой дыре. Учи, идиот. Я не приму твое поражение из-за такой глупости».

На следующий день тетради в его шкафчике уже не было. А на матче в январе Крис набрал тридцать очков, принес школе победу. Проходя мимо моей трибуны к раздевалкам, он на секунду остановился, поймал мой взгляд и едва заметно кивнул, коснувшись двумя пальцами козырька своей кепки.

Мы не стали друзьями. Мы даже не перестали хамить друг другу на уроках экономики. Это была просто наша персональная линия фронта, где каждый из нас держал другого в постоянном тонусе.

На выпускном вечере в июне две тысячи пятнадцатого года я стояла на школьном стадионе, держа в руках диплом с отличием. Вокруг плакали девчонки, парни обнимались, взлетали в воздух квадратные академические шапки. Я знала, что уезжаю на другой конец страны — меня приняли в Гарвард. Крис, по слухам, получил спортивную стипендию в Калифорнийском университете в Беркли.

«Ну вот и все», — подумала я тогда, вдыхая теплый ночной воздух Техаса. Наша глупая детская война окончена. Взрослая жизнь сотрет эти подростковые обиды, мы найдем себе нормальных людей, начнем строить карьеру, и через десять лет я едва вспомню парня, который растоптал мою Солнечную систему.

Я была абсолютно, кристально уверена в этом.

Глава 3. Бостонский капкан

Гарвардский университет встретил меня запахом старого кирпича, векового плюща и невероятного, давящего интеллекта. Здесь больше не было школьных звезд Техаса, здесь каждый второй был сыном сенатора, гениальным программистом или лауреатом международных премий. Я чувствовала себя так, словно мне снова нужно доказывать свое право на существование.

Первый день занятий на факультете «Бизнес-администрирования» начался в огромной лекционной аудитории Эмерсон-холла. Помещение пахло полированным деревом и амбициями. Я заняла место на третьем ряду, достала свой новый макбук, разложила маркеры и сделала глубокий вдох. Я была готова стать лучшей. Я стерла из памяти Техас, Остин и все свои детские комплексы.

— Смотрю, серые блейзеры по-прежнему в тренде у консервативного крыла нашей школы, Вэнс.

Этот голос ударил меня в спину, словно разряд дефибрилятора.

Я медленно, очень медленно повернула голову. На верхнем ряду амфитеатра, небрежно закинув длинные ноги на впереди стоящее кресло, сидел Кристиан Миллер. Тот самый. Только плечи стали шире, на смену подростковой угловатости пришла жесткая, мужская стать, а в руках он крутил дорогую ручку «Montblanc». На нем была черная толстовка с логотипом Гарварда. На его губах играла все та же невыносимая, наглая ухмылка.

Мой мозг на секунду отказался обрабатывать информацию. Какой, к черту, Беркли? Какая Калифорния?

Я поднялась со своего места и, чеканя каждый шаг своими новыми туфлями, поднялась к его ряду. Студенты вокруг начали оборачиваться, привлеченные ледяной аурой, которую я излучала.

— Что ты здесь делаешь, Миллер? — мой голос был тихим, но в нем звенела сталь. — Твой отец выписал чек на постройку нового спортивного комплекса, чтобы тебя зачислили в Лигу Плюща?

Крис перестал улыбаться. Его взгляд мгновенно потемнел, став глубоким и колючим. Он опустил ноги на пол и подался вперед, так что между нашими лицами осталось всего несколько дюймов.

— Мой отец не имеет к этому никакого отношения, Вэнс, — процедил он, и я впервые услышала в его голосе такую жесткость. — Моих баллов за экзамены и спортивных достижений хватило бы на три таких места. Я отказался от Беркли, потому что мне стало скучно при мысли, что в Калифорнии все слишком расслабленные. Я поступил на бизнес-направление. Решил научиться управлять теми, кто спонсирует этот мир. Так что привыкай, железная леди. Ближайшие четыре года я буду твоим личным кошмаром на этом кампусе.

— Ты преследуешь меня, — выдохнула я, чувствуя, как внутри закипает тот самый, техасский огонь, который я так тщательно тушила последние два месяца.

— Слишком много чести, принцесса, — Крис снова откинулся на спинку кресла и крутанул ручку. — Мир просто слишком тесен для нас двоих. Занимай свое место, профессор сейчас зайдет. Не порти свой идеальный рейтинг посещаемости в первый же день.

Я развернулась и спустилась на свой ряд. Мои пальцы так сильно сжимали макбук, что побелели суставы. Изнутри меня колотило. Из всех университетов мира он выбрал именно этот. Из всех специальностей — мою. Наша война не закончилась, она просто перебазировалась на более дорогую и опасную территорию.

Гарвард превратился для нас в настоящий психологический триллер. Наше противостояние вышло на новый, куда более изощренный уровень. Мы больше не пакостили — мы уничтожали друг друга интеллектуально.

Если на семинаре по макроэкономике я выступала с докладом о регулировании финансовых рынков, Крис обязательно поднимал руку с самого верхнего ряда. Он не спорил со мной открыто — он задавал один-единственный, филигранный вопрос по смете или скрытым рискам, который заставлял мою идеальную презентацию трещать по швам. Профессора были в восторге от наших дискуссий, они называли это «здоровой академической конкуренцией». Они не знали, что после каждой такой лекции я запиралась в библиотеке до трех часов ночи, перерывая тонны отчетов Федеральной резервной системы, просто чтобы на следующем занятии в пух и прах разнести его проект инновационного венчурного стартапа.

Между нами постоянно летели искры. Это было дикое, удушливое напряжение, от которого воздух в аудиториях казался наэлектризованным. Когда мы сталкивались в дверях коворкинга или библиотеки, наши взгляды скрещивались, как шпаги. Мы оба упрямо списывали это на чистую, незамутненную ненависть. Мы соревновались на износ, выжимая друг из друга все соки. Я видела, что под его глазами тоже начали появляться темные круги — Крис, несмотря на свой образ расслабленного плебоя, пахал как проклятый, чтобы не уступить мне ни единого дюйма.

Настоящий взрыв случился на третьем курсе. Профессор по стратегическому менеджменту объявил о начале ежегодного престижного конкурса кейсов от международной консалтинговой компании «McKinsey». Победители получали огромную стипендию и летнюю стажировку в нью-йоркском офисе. Это был билет в высшую лигу бизнеса.

Но было одно условие, которое профессор объявил в конце лекции, хитро прищурившись через очки:

— В этом году, чтобы проверить ваши навыки командной работы в условиях жесткого стресса, я сам сформировал пары. И первая пара... Кристиан Миллер и Мелиса Вэнс. Вы будете работать над анализом кризисной технологической компании.

В аудитории кто-то тихо свистнул. Весь наш поток знал, что соединять нас в одной комнате — это все равно что подносить спичку к открытому бензобаку.

Две недели мы общались исключительно посредством сухих, ледяных имейлов в три строчки. Крис присылал свои расчеты по маркетингу и продукту, я отправляла ему жесткую финансовую аналитику и таблицы Excel. Мы не встречались лично, пока до дедлайна не осталось двадцать четыре часа.

В тот вечер мы заперлись в пустой аудитории студенческого центра на четвертом этаже. За окном бостонский ветер швырял в стекла хлопья мокрого снега, а внутри было жарко, как в котельной.

Я сидела за длинным столом, окруженная распечатками графиков, и судорожно вбивала данные в финальную презентацию. Крис ходил из угла в угол, сжимая в руке остывший стакан с кофе. На нем была мятая серая футболка, волосы растрепаны, а глаза блестели от дикого переутомления.

— Твоя финансовая модель не работает в реальности, Мелиса, — глухо сказал он, останавливаясь у доски. — Ты заложила слишком низкие риски на маркетинг. Компания загнется в первом же квартале.

Я с грохотом швырнула свой макбук на стол. Экран зловеще мигнул.

— Я полностью переписала твою маркетинговую часть, Крис! Твои идеи — это бред сумасшедшего, выросшего на популистских лозунгах Силиконовой долины! Мы будем защищать мой вариант. Он безопасен, структурирован и просчитан на три года вперед. Я не собираюсь сливать этот кейс из-за твоего творческого хаоса!

Крис сделал три быстрых шага, с грохотом выдернул стул напротив меня и сел, нависнув над столом. Его лицо было бледным, а в глазах горела настоящая, опасная ярость, которую он сдерживал все эти годы в Бостоне.

— Ты переписала? Мою часть?! Да твои цифры мертвы, Мелиса! В них нет жизни! Ты робот в своем сером блейзере. Ты хоть раз в жизни плакала? Хоть раз чувствовала что-то реальное, кроме желания получить свой сраный высший балл GPA и угодить мамочке-банкирше, которая расписывает твою жизнь по минутам?! Ты вообще живая, Вэнс?!

— Твоя реальность — это лень и пофигизм! — сорвалась на крик я. Мой голос сорвался на хрип, и я с ужасом почувствовала, как к глазам подступают горячие, злые слезы. Я ненавижу себя за эту слабость, но нервы, натянутые как струны за последние две недели бессонных ночей, просто лопнули. — Тебе все дается легко, Крис! Ты улыбнулся, пошутил — и профессора тебе все простили! Твой отец всегда за твоей спиной! А я впахиваю сутками! Я живу в этой гребаной библиотеке! И я не позволю какому-то легкомысленному плейбою разрушить мой диплом и мою карьеру!

— Да плевать мне на этот диплом! — Крис резко вскочил, опрокинув стул, который с грохотом покатился по полу.

Он обогнул стол в одно мгновение, схватил меня за плечи и заставил подняться. Его пальцы больно, до синяков впились в ткань моей блузки. Он прижал меня спиной к прохладному стеклу окна, тяжело и прерывисто дыша.

— Ты ломаешь меня, Вэнс! — выкрикнул он мне прямо в лицо. Его голос вибрировал от какого-то дикого отчаяния. — Каждый божий день, с тринадцати лет! Ты контролируешь каждый мой шаг своим присутствием. Ты появляешься везде, где я пытаюсь просто дышать. Я пытался встречаться с девчонками из сестринства — ты просто проходишь мимо по кампусу, бросаешь свой ледяной взгляд, и они превращаются для меня в пыль, потому что ни одна из них, ни одна чертова кукла в этом мире не может сравниться с тобой! Я пытался ненавидеть тебя по-настоящему, но я, блять, задыхаюсь без твоих колкостей! Без твоего сарказма моя жизнь превращается в пресное болото! Скажи мне, что я убогий, Мелиса! Ну же! Скажи это мне в лицо!

Я смотрела в его темные, безумные глаза, в которых сейчас бушевал настоящий пожар. Мое сердце колотилось где-то в горле, дыхания катастрофически не хватало. Я видела каждую черточку его лица, чувствовала жар, исходящий от его тела, и липкий запах его ментоловой жвачки. Во мне все дрожало — от ярости, от усталости и от этого пугающего, темного, непреодолимого притяжения, которое мы так долго и упорно называли ненавистью.

— Ты невыносим, Крис, — прошептала я, и по моим щекам наконец покатились злые, обжигающие слезы. — Ты разрушаешь мою упорядоченную жизнь. Ты заставляешь меня сомневаться во всем. Я ненавижу то, что ты единственный, кто замечает, когда я на грани срыва. Я ненавижу, что никто, кроме тебя, не может разозлить меня до такой степени... чтобы я чувствовала себя настолько живой.

Крис замер. Его хватка на моих плечах изменилась. Пальцы больше не сжимались с яростью — они почти умоляюще, мягко поглаживали ткань блузки. Его взгляд опустился на мои губы, затем снова поднялся к глазам, в которых отражались огни ночного Бостона.

Он медленно опустил ладонь на мою шею. Его большой палец лег на мою пульсирующую вену — я была уверена, что он слышит этот сумасшедший ритм. Его лицо приближалось. Искры между нами готовы были превратиться в пожар, который уничтожил бы все наши стены, все наши планы и защиты. Мы стояли в миллиметре друг от друга, переполненные этим страшным, удушливым притяжением.

Еще секунда. Всего одна секунда...

В коридоре раздался громкий смех проходящих мимо студентов и стук тяжелых дверей соседней аудитории.

Этот звук подействовал на нас как удар током. Крис резко отпрянул, словно обжегся об меня. Его рука соскользнула с моей шеи. Он тяжело выдохнул, запустил пятерню в свои растрепанные волосы и отошел к доске, отвернувшись спиной.

Я стояла у окна, обхватив себя руками, пытаюсь остановить дрожь. Мои щеки пылали.

— Презентация готова, — глухо сказал Крис, не поворачиваясь. — Я оставил твою финансовую модель. Завтра в девять на кафедре. Не опоздай, Вэнс.

Он схватил свою куртку со стула и быстрым шагом вышел через заднюю дверь аудитории. Дверь со щелчком закрылась.

Я осталась одна в пустой комнате, слушая, как ветер бьет мокрым снегом в стекло. Это не было признанием в любви. Это была очередная битва — самая страшная и разрушительная из всех, что у нас были. Мы оба были по-прежнему абсолютно уверены, что ненавидим друг друга. Просто наша ненависть оказалась слишком опасной вещью, чтобы подпускать ее близко к сердцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.